

Чем чуден кролик, так это ушами. Они у него прозрачные, тёплые и бесконечные. Трепать их одно удовольствие.
— Трепать можно сколько угодно, а вот тянуть за уши нельзя, — остерёг майор милиции. — Капилляры там нежные, рвутся. Брать этого зверя надо только под брюшко.
Взял, как младенца, держит бережно. Увесистый лопоух прильнул к крепкой хозяйской груди и тут же прикрыл свой клюквичный глаз.
— Флегматики они. Если его не обижаешь, идёт на руки охотно, сразу пригреется и дремлет хоть целый час.
Николай Васькин — начальник штаба Корсаковского РОВД. Работа суровая и мозговая, неостановимая и моторная — в милиции иначе не бывает.
А в свободное домашнее время — кролики.
— С детства, с четвёртого класса, к ним тянет.
— Отец приучил?
— Наоборот, это я его приохотил.
— В свои десять мальчишечьих лет?
— Именно. Увидел у односельчанина этих пушистых тварей — и всё, говорю родителям: у меня тоже будут. Сорок штук завёл! Сам траву им косил, сам убирал за ними и лечил. Отец только похваливал.

МАЙОР

И КРОЛИКИ

А страсть у мальчика всё сильнее разгоралась. Специально из-за кроликов в сельхозинститут поступил, диплом зооинженера получил. Армия, комсомольская работа, собственное подворье — и снова кролики.

Двенадцать лет он в милиции, однако в районной газете выступает как кроликовод-профессионал. Даёт советы, убеждает повсеместно заводить этих прекрасных домашних животных.

— Хлопоты с ними хоть и есть, но не намного больше, чем с той же курицей. Кроликов может спокойно водить любой сельский житель, даже одинокая бабушка.

Николай Иванович загибает пальцы, перечисляя выгоды:

— Едят они шестьдесят пять процентов всего, что растёт на земле, даже дерево грызут, все обрубки и отходы им в корм идут.

Киваю. Кто ж не знает: кролики чуть Австралию не съели, всю целиком. А Васькин продолжает:

— Об их болезнях слухи преувеличены, зимой они практически не болеют, а летом крольчата в этом смысле устойчивее цыплят. Растут невероятно быстро, товарный вес в полтора килограмма набирают уже на пятом месяце. Плодовитость их вошла в поговорки... Да что там говорить: кролик любого бедняка мясом обеспечит, в избытке.

И то: двадцать литровых банок тушёнки только перед Новым годом сделала из своей крольчатинки семья Васькиных. Так сказать, продовольственная программа в действии.

Остальное идёт на продажу. Заготовщики охотно принимают и тушки, и шкурки; и живые ушастые спрос имеют. Так что на кроликах вполне можно жить, получать неплохой приработок.

Однако это практическая сторона. А есть ведь и эстетическая. Она очень важна.

— Если не любить кролика — будешь обыкновенным скотником. Но любить его легко: он любопытен, стоит столбиком, в глаза смотрит... Из клетки убежит — по двору на солнышке часами кувыркается.

— А вы его — сразу ловить?

— Нет, иной так во дворе и живёт полета. Они ведь какие: если кто хоть раз из клетки вышел, будет постоянно стараться

Фото Сергея МИРОНОВА.

сбежать. Вкус свободы почувал...

Улыбается майор, что-то вспомнил.

— Как-то сразу шестеро убежали, да не во двор, а в огород. Мы с женой и дочками их целую неделю отлавливали. А они за это время всю морковку на грядках съели.

Крол, спящий на руках, приоткрыл глаз и попросился наконец домой, в клетку. Сам белый, а все его кончики — нос, лапы, хвост, уши — чёрные. Будто печати на праздничной посылке.

— Это калифорниец, любимая моя порода, — пояснил, отпуская питомца, хозяин. — У нее особенно развиты материнские чувства, чужих детишек легко принимает.

Вынул нам другого зверя, это оказался самец серого великана. Пухое чудиче в метр почти ростом, весит пять с половиной кило. Мордуленция широкая, как у сома.

Так сому пять лет такое рыло надо наедать, а этот за полтора года упоравился.

И трёхгодовалый крол-шиншилл тому великану под стать. Огненно-рыжий, словно лис, самчик следующей породы, новозеландской, пока молод, проказлив и подруг не имеет, но скоро они у него появятся.

Всего же на этих четырёх ушастых мужичков заведено двадцать самок, дающих приплод непрерывно; сто сорок мизерных и великовозрастных деток они имеют только сейчас, а за год общее число этого кроликокруговорота доходит до пятисот особей.

Без жены Нины Васильевны и дочурок

Оли и Светы Николай Иванович с таким кроличьим дивизионом вряд ли совладал бы. Именно они зверьё кормят, свеклу чистят, траву рвут.

Хозяин же таскает из клеток навоз, которого в разы больше, чем от той же коровы, зато и проблем с удобрением огорода никогда не бывает.

Долго думал, писать или нет, но от вопроса не уйдёшь: самое трудное для любого нравственно здорового селянина — умерщвлять свою жизнь.

За долгие тысячелетия человек выработал тут строгий порядок: не убивать мучительно и никогда не делать это в присутствии детей. Иной крестьянин, вынужденный пустить бурёнку-кормилицу под нож, просит соседа сделать это за него, а сам постоит за углом сарая да и поплачет.

Как ни сказочны невинные кролики, а в человеческих подворьях они растут не для декоративности; поэтому жить им отсчитано лишь полгода. Но и кончина их намного менее трагична, чем у столь же невинной хавроньи... Кролик мгновенно умирает от лёгкого удара ребром ладони по загривку.

И хватит об этом. По-моему, охота с её частыми ранениями травмированного зверя намного более кровава.

Недаром майор Васькин для полного своего отдыха избрал рыбалку и пчёл; ещё цесарок вот завёл, уж больно клохчут красиво.

А ещё он ищет новые книги по кролиководству. Однако свежих научных разработок в этом деле нет с 1989 года. Хоть садись да собственные изыскания веди.

Некогда. Служба у сорокалетнего м и л и ц и о н е р а вправду и опасна, и трудна. Главные силы — ей. "Наград пока нет, зысканный тоже".

Начальство майору за ушастиков не пеняет. Оно само здешнее, из села Корсаково, где в

каждом дворе — живность. Но Николай Иванович мечтает, чтоб когда-нибудь написано было так: "...где в каждом дворе — кролики".

Юрий ОНОПРИЕНКО.

Корсаковский район.

